

Социальная активность рациональных акторов в условиях неопределенности

Н. Н. Равочкин¹, И. А. Пфаненштиль², М. П. Яценко³

¹ Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия

¹ Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

^{2, 3} Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

¹nickravochkin@mail.ru

²IPhanenshtil@sfu-kras.ru

³mikhailyatzenko@yandex.ru

Аннотация. Авторы анализируют влияние неопределенности стремительно усложняющегося и трудно прогнозируемого общества на выбор акторами вариантов поведения и прослеживают динамику исследования устремлений индивидов и факторов, влияющих на способы реагирования. Основное внимание уделяется рациональности субъектов при совершении ими преобразований социальной реальности. Рассматриваются перспективные практики, повышающие рациональность и эффективность принимаемых решений, позволяющие, в некотором смысле, преодолевать неопределенность. Устанавливается взаимосвязь между персональными и коллективными интенциями и нормативными и ценностными основаниями социального бытия.

Ключевые слова: рациональность, актор, неопределенность, ключевые смыслы, общество, нормы, ценности, интенции, поведение

Для цитирования: Равочкин Н. Н., Пфаненштиль И. А., Яценко М. П. Социальная активность рациональных акторов в условиях неопределенности // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 2 (38). С. 119—129. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-119-129> EDN: BIWUIO.

Original article

Social activity of rational actors under conditions of uncertainty

N. N. Ravochkin¹, I. A. Phanenshtil², M. P. Yatzenko³

¹ Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Kemerovo, Russia

¹ Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

^{2, 3} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

¹nickravochkin@mail.ru

²IPhanenshtil@sfu-kras.ru

³mikhailyatzenko@yandex.ru

Abstract. The authors analyze how the uncertainty of an increasingly complex society difficult to be predicted affects the actors' behavioral choices and trace the dynamics of research into the aspirations of individuals and the factors influencing the ways in which they respond. The main focus in this work is on the rationality of subjects as they make transformations of social reality. The authors consider promising practices increasing the rationality and efficiency of decisions and allowing, in a sense, to overcome uncertainty. The interrelations between personal and collective intentions and the normative and value bases of social being have been established.

Keywords: rationality, actor, uncertainty, key meanings, society, norms, values, intentions, behavior

For citation: Ravochkin N. N., Phanenshtil I. A., Yatzenko M. P. "Social Activity of Rational Actors under Conditions of Uncertainty". *Economic and Social Research* 2 (38) (2023): 119–129. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-2-119-129> EDN: BIWUIO.

Проблема принятия решения в различных условиях коллективного сосуществования становится все более актуальной по разным причинам. Так, поступательное усложнение социальной ткани напрямую связано с наличием у конкретных акторов вполне определенных компетенций, поскольку требует от них совершения тех или иных действий в новых условиях. Кроме того, одной из ключевых детерминант современной общественной жизни становится синергичность. Говоря более развернуто, внешние условия бытия далеко не всегда являются единственным и достоверным критерием эффективности деятельности человека. В условиях перманентных усложнений контекстуальных реалий это становится наглядным. Таким образом, анализ социального праксиса актуализирует запросы на интегральное понимание различных подходов к деятельности человека и к рациональности, обусловленное особенностями выбора в условиях неопределенности и случайностей.

В научной литературе представлены различные аспекты понимания поведения человека, в зависимости от того, какой теоретический подход избран. Заслуживает внимания диспозиционная модель общества, репрезентирующая его в качестве системы. Изначально его суть была определена в структурно-функциональной концепции Р. Мертон, где дис-

позиция рассматривалась как устремление, детерминированное социальным статусом и ролевым поведением. В соответствии с представленной моделью, деятельность конкретного индивида определялась скорее функциональной зависимостью поведения от изначально заданных условий его существования. Полагается, что выделенные таким образом свойства и связи задают векторы последующего развития индивида, а значит, появляются возможности для его максимальной самореализации в наличной системе социальных координат.

При этом важно указать на ограниченность мертоновского понимания диспозиции, поскольку она учитывает исключительно объективные факторы, детерминирующие поведение человека и способы проявления его сущности, а также степень эффективности, которую определяют именно внешние условия коллективного бытия. В свою очередь, субъективные основания и истоки деятельности человека не оказываются столь актуальными, следовательно, не принимаются в расчет как значимые: они воспринимаются скорее как следствия применения общесоциальных правил существования отдельных агентов социальной интеракции.

Анализ критики мертоновского понимания диспозиции привел ученых к осознанию

необходимости учета не только общих, но и индивидуальных интенций субъектов интеракции. Более того, усложнение социальных систем требует детального рассмотрения личностных ресурсов, используемых отдельным человеком в персональном и коллективном существовании. В результате можно сделать вывод, который послужит рекомендацией по рационализации поведения в условиях случайности в современном социуме: следует учитывать все многообразие способностей и возможностей коллектива и отдельного субъекта, чтобы точно и правильно понимать ситуацию, чтобы решение было наиболее эффективным.

В дальнейшем осмысление диспозиции продолжается в рамках социального конструктивизма П. Бурдьё, который расширил это понятие за счет указания на тот факт, что «воспроизводство внешних социальных структур происходит под воздействием внутренних структур личности» (приводится по: [13, с. 119—120]). Включение в понятийный аппарат исследовательской оптики субъективных факторов социального бытия позволяет дать более валидные объяснения поведению человека в самых различных условиях его существования. Такая логика и впрямь куда более эффективна, поскольку соответствует собственно философскому уровню анализа: открывает возможности для выявления глубинных и предельных оснований вызовов и комплексной диагностики вызовов, определяющих программы действий агентов. Именно детекция таких оснований влечет за собой возможность признания ценности персональных устремлений, которые рассматриваются как руководящие принципы организации и принятия решений в условиях современного, быстро развивающегося и перманентно изменяющегося общества.

Важно отметить, что индивидуальные устремления приобретают особую значимость и в рамках синергетического понимания действий. Как оказалось, проблемным

местом сегодня является наличие большого количества случайностей, инкорпорированных в природу общества. На этом основании ученые признают синергетическую сущность современного социума, тем самым возникает необходимость обращать внимание на неустойчивость порядков и быструю изменчивость процессов. Самоочевидно, что для целостного понимания принципиальное значение приобретают ресурсы, которые служат потенциалом бифуркации, а именно — значимые положения в понимании природы современного общества.

На наш взгляд, здесь уместна рецепция идей И. Пригожина о самоорганизации сложных диссипативных систем, ядерные смыслы которых вполне можно приложить к общественному существованию и развитию. В частности, правомерно обратиться к положениям синергетики, изучающей всеобщие закономерности «социальной самоорганизации, т. е. взаимодействий социального порядка и социального хаоса» [3, с. 117]. Другим значимым интеллектуальным наследием представляется область так называемых конвергентных технологий, позволяющих усилить человеческий потенциал [2, с. 63]. В последние годы повсеместное применение позволило им занять едва ли не центральное место в обществе. Этот факт можно объяснить тем, что в самоорганизующейся диссипативной системе наличие компетенций, позволяющих искать наиболее оптимальные, рационально обоснованные и функциональные решения и применять соответствующие им действия, оказывается определяющим в контексте ситуационно детерминированного набора социальных параметров.

Рациональность акторов, реализующих конкретные виды социально значимого поведения, отображается в степени их ответственности за совершаемые действия. В сложной самоорганизующейся системе, как полагают сторонники синергетического подхода, такие свойства, как неустойчивость системы и наличие в ней бифуркации,

становятся определяющими. На этом основании любые действия обуславливаются участием ее членов в событиях общественного значения. Даже небольшого изменения в структуре системы порой оказывается достаточно для того, чтобы принципиальным образом изменить всю общественную систему.

Более того, некоторые ученые, среди которых следует выделить Н. Т. Арефьеву, Н. М. Багновскую и Л. Н. Воеводину, отмечают эффективность именно конструктивистских подходов к пониманию общественной системы [1]. Полагается, что реальность, в том числе социальная, интерпретируется сознанием человека и создается, помимо прочего, с учетом интересов и потребностей конкретного человека. Социум есть конструкт, результат субъективных действий человека, а внешние условия коллективного бытия оказываются в некоторой степени зависимыми от индивидуальных устремлений и интенций. На этом основании исследователи приходят к выводу о непереносимости партнерства между обществом как системой и внутренними потенциями человека как объекта ее целеполагания. При этом основным методологическим принципом при составлении социокультурных прогнозов становится положение, которое рекомендует структурировать мир как единое целое, исходя из восприятия конкретных субъектов. Именно такой подход, как полагают исследователи, дает возможность быстро адаптироваться к активному изменению общественной системы, к возникновению непредвиденных событий. Точки бифуркации, которые становятся фактором развития современного общества, оказываются едва ли не определяющими вектор принятия решений. Практическим следствием новых теоретических положений становится: углубление цифровой дифференциации социальных структур, усугубление экономической и стратификационной дифференциации, существование наций в форме виртуальных, вообразимых сообществ, чьи признаки счи-

таются значимыми исключительно как следствие персонального восприятия всех признаков, присущих коллективной идентичности. Кроме того, это следствие, выраженное в субъективном понимании коллективной идентичности, обладает тенденцией к «слому» национальной самоидентичности в пользу локальной и транснациональной идентичности. В результате значимыми становятся персональные свойства и преимущества в условиях социально-онтологической неопределенности. Именно социальные параметры неопределенности могут определять вектор развития всей общественной системы, а значит допускать, что максимально эффективное и рационально обоснованное теоретическое положение, адекватно отражающее актуальные условия социальной неопределенности, может быть принято к практической реализации.

Среди не менее значимых рекомендаций в условиях синергетической анатомии современного общества отметим положение об индивидуальном восприятии мира, равно как и формировании ценностных и нормативных личностных оснований. Речь идет о возможностях согласования интересов отдельных субъектов, каждый из которых обладает ресурсами по минимизации тех или иных конкретных негативных последствий в условиях случайностей. Совокупность компетенций разных людей в составе коллектива позволяет находить такие решения, которые бы оказались максимально полезными и рационально обоснованными для коллектива в целом. В соответствии с представленной логикой, центральной становится рекомендация использовать ресурсы компетенций отдельных специалистов, учитывая эмерджентность коллективного взаимодействия. Переходя к практическому измерению подобной логики, Л. Г. Сидоров [10] задается вопросом: в чем заключается ответственность ученых, бизнесменов, политиков, любых граждан, которые активны в социальном процессе? Ответом служит следующее

утверждение ученого: ответственность состоит в способности «разбирать» старую систему на части, определять функциональность ее структурных элементов и формировать системность заново. Весь этот процесс определяется способностью социальных субъектов — участников общественных процессов — к рациональному целеполаганию и соответствующему действию. Следовательно, применяется так называемый постнеклассический рационализм, который основан на принципе предопределенности знания социальным и культурным окружением, а также ценностными предпочтениями субъекта познавательной деятельности [6]. Представители этого типа рационализма полагают принципиальным влияние различных событий на конкретное решение. Формируется, таким образом, идея взаимного влияния объективного и субъективного в познавательной деятельности человека. Объективные составляющие определяют внешние формы рационального обоснования деятельности человека в условиях случайности и неопределенности. Человек, при совершении целесообразной деятельности, рассматривается «как узловой пункт соотношения природы и очеловеченной природы» [7, с. 70]. В результате появляются многочисленные связи между человеческой и естественной природой. В свою очередь, культура и социум уподобляются раскрытой книге, олицетворяющей человеческий потенциал, что резонно объясняется следующим: вступая в интересующие взаимодействия, индивиды способны подбирать и воплощать эффективные версии и формы собственных рациональных устремлений.

Постнеклассическая рациональность в синергетической системе может быть понята как соотношение «деятельности и системы ценностей, которая определяет принципы познавательной и социально ориентированной деятельности. Такие ценности определяют возможность совершения социально приемлемых и эффективных моделей

поведения социальных субъектов» [9, с. 171]. В этом положении отражается также нормативная природа постнеклассической рациональности, содержащая в себе все многообразие правил и норм, определяющих функционирование принятых форм получения знаний, которые воспринимаются сообществом в качестве научных.

Можно говорить о том, что современная синергетическая модель общества действительно усложнила выбор социальным актором модели эффективного поведения, поскольку каждая отдельная ситуация, в которой существует человек, оказывается по природе своей точкой бифуркации. Однако такая точка способна вместить в себя вектор развития общества как системы, а значит, ценностно ориентированная и рационально регулируемая деятельность субъектов общественных отношений детерминирует базовые принципы выбора эффективного поведения акторами современности. Именно активность каждого субъекта помогает в поиске ответа на вопрос, что же является правильным «толчком» к разрешению проблемных ситуаций. Объективные условия бытия отражают лишь внешние факторы существования социальных субъектов, его заполняющих, но требуют от них активной деятельности. Также распространены предположения о том, что в условиях постоянной неопределенности и случайности, конституирующей точки роста, предсказать и осуществить какие-либо изменения, не говоря уже о полномасштабных программах социального развития и строительства, весьма затруднительно. Наличная архитектура регулирует человеческое поведение, что не только влияет на деятельность индивидов, но и помещает их в одну систему координат действия с другими акторами, совместными усилиями которых обеспечивается функционирование различных социальных структур.

Анализируя частные случаи, Л. Г. Сидоров подчеркивает: «Порядок осуществляется государством, элитой, общественным мнением

и каждым конкретным человеком. Если государство и “творческое меньшинство” поддерживают существующую систему, то формируются положительные обратные связи и инспиративное управление. Саморазрушение системы происходит, когда элита начинает формировать идеалы, общественное мнение, разрушающие систему» [10, с. 111]. Представленная логика свидетельствует о том, что усложнение социальной системы требует не только и не столько учета внешних свойств системы, а именно нормативных оснований коллективного бытия, сколько усвоения данного порядка конкретными отдельными индивидами, а значит, эффективность поведения человека предполагает рационализацию интеракции государства и граждан — общественно-государственной системы норм и персонального существования отдельного человека.

Представляется важным отметить, что действия субъектов общественной интеракции становятся разумными, если они учитывают общие принципы и нормы совместного существования, адаптируя, однако, их к принципам собственного бытия. Наличие разумных форм обратной связи дает возможность избирать наиболее эффективные типы практик и действий всем субъектам интеракции — как коллективному субъекту (в форме государства), так и каждому индивидуальному субъекту. При этом следует помнить, что для реализации совместных интенций (коллективного и индивидуального) необходимо иметь в наличии и использовать интеллектуальные и социальные ресурсы индивидуальных акторов.

В представленном анализе диспозитивной логике соответствует утверждение, что предметом изучения в данной концепции становится «целостность [структуры личности], интегрирующая весь жизненный опыт субъекта применительно к данной жизненной ситуации с ориентацией на его референтную общность или группу» [14, с. 359]. Приведенная цитата весьма информативна,

поскольку поясняет, что поведенческие стратегии индивида и групп выступают основанием для нормативных и ценностных предпочтений, в формировании которых закрепляются персональные особенности восприятия правил социального взаимодействия. Эти интенции детерминируют перспективы принятия решения об использовании эффективных вариантов поведения индивидов и социальных групп в онтологических и общественных условиях. В научной литературе отмечается, что в условиях современного развития индивидуальные интенции крайне ослаблены, т. е. неэффективны для принятия акторами взвешенных, рационально обусловленных решений. В целях большей оптимизации и общего повышения эффективности принимаемых решений резонно апеллировать к ситуативному подходу: с учетом опыта многочисленных кейсов одновременно определяются важнейшие точки последующего роста, а также проблемные места, которые препятствуют созданию эволюционных сценариев. Более того, полагается, что «характеристики ситуаций как возможные детерминанты поведения практически не игнорируются ни одним подходом к объяснению поведения» [12] (приводится по: [13, с. 120]). В самом деле, вполне предсказуемо на первый план выходят широкие аналитические возможности контекстуальных условий, а именно множественные композиционные взаимопроникновения персональных и ситуационных факторов. В рамках ситуационного подхода сталкиваются два важных фактора. Во-первых, индивидуальные устремления хоть и не являются определяющими в принятии решения, тем не менее оказывают определенное влияние на этот процесс. Во-вторых, рациональность решения в определенной степени зависит от возможности и необходимости использовать ресурсы персональных интенций и способностей, которыми обладает конкретный субъект — участник общественных отношений. Вместе с тем объективные условия становятся внешними

условиями реализации решения, причем чем более решение соответствует правилам и условиям актуальной ситуации, тем более оно оказывается эффективным. Исходя из этого утверждения, можно вывести рекомендацию, необходимую при поиске, принятии решений и реализации их на практике: целесообразно учитывать внешние условия, в которых находится рационально действующий субъект, а также соблюдать действующие правила, которые помогают искать эффективные решения. Ориентация субъектов, принимающих решения, на внешние условия социального бытия обуславливает ситуативную природу решения, которая повышает эффективность действий, а значит, в свою очередь, дает возможность апеллировать к оптимальному решению, соответствующему конкретной ситуации. При этом не следует полностью исключать индивидуальные интенции и потребности конкретного человека, поскольку именно они в определенных условиях могут оказывать существенное влияние на то, как он принимает ситуацию и понимает значимость решений. В результате куда более позитивным может быть отношение к практикам — к совокупности действий, которые реализуются социальными акторами.

Имеет смысл говорить об адаптации индивидуальных интенций к социальным условиям бытия актора — участника коллективных практик. Это позволяет в полной мере использовать потенциал и ресурсы субъектов общественных отношений, учитывать перспективы их роста, а также условия коллективного бытия, определяющие вектор развития конкретной ситуации. Последнее замечание может быть обосновано с использованием идей, сформировавшихся на стыке психологии и менеджмента. В прикладной литературе, посвященной данной теме, отмечается, что в современных компаниях для повышения эффективности работы сотрудников используется система психологической мотивации, в структуре которой — как

внешние, так и внутренние, персональные установки [4].

В Японии используется комплексный подход к повышению эффективности работы компании, что достигается за счет формирования и использования таких практик, как:

- адаптация сотрудников к корпоративным правилам поведения и принципам работы, что приводит к более эффективному исполнению трудовых обязанностей;

- регулярное продвижение по службе, что дает возможность сотруднику чувствовать себя значимым, хотя бы благодаря изменению внешних признаков труда;

- иерархические перестроения, основанные на целесообразности смены мест и требующие от работника адаптации к совершенно новым условиям и принципам трудовой деятельности и способности адекватно давать ответ на вызовы, связанные с новыми трудовыми отношениями, т. е. расти как человек, специалист и сотрудник;

- этнопсихологический колорит фирмы, предполагающий формирование определенной корпоративной культуры, задачей которой в первую очередь является повышение благосклонности к ценностным ориентациям сотрудников внутри коллектива. Применяются различные формы досуговой корпоративной деятельности, среди которых следует выделить организацию спортивных мероприятий и помощь сотрудникам в организации различных торжеств.

Первые три практики связаны в первую очередь с внешней стороной поведения социального актора: трудовые, общесоциальные, культурные и прочие условия определяют лояльность человека к конкретной компании, а значит, рациональность выбора актора обуславливается, помимо прочего, сформулированной нормативной и институциональной системой.

Четвертая практика содержит в себе апелляцию к внутренним, ценностно-нормативным основаниям восприятия социальным агентом ситуации, в которой он находится.

Не только и не столько внешние факторы, сколько опыт корпоративной этики оказывается принципиальным. В некоторых случаях состояние единства с коллективом может стать едва ли не определяющим фактором, который бы влиял на решение совершить то или иное действие.

Близкой к данному подходу представляется так называемая прагматическая концепция человеческих ресурсов, которая признает, что экономические критерии эффективности определяют подход к каждому сотруднику. Полагается, что именно совокупность экономических факторов является внешним инструментом регламентации человеческого поведения, а значит, именно этот подход позволяет сформировать такие условия, в которых каждый отдельный человек сможет в полной мере реализовать свой интеллектуальный, ценностный, культурный потенциал.

Более того, признается, что затраты на каждого конкретного сотрудника должны окупаться в полной мере, а в долгосрочной перспективе эти вложения должны принести прибыль. На практике применяется система мотивации, которая позволяет в полной мере выразить нацеленность социальных акторов на рациональность принимаемых решений и эффективность проводимых социальных практик. В рамках прагматического подхода можно рекомендовать реализацию двух важных направлений. Первое обусловлено стремлением компании обеспечить сотрудникам повышение квалификации с целью получить преимущества для компании. Здесь акцент делается на субъективном мире отдельных сотрудников. Другое направление составляет задача вкладывать средства в инфраструктуру организации с целью сформировать такую обстановку, которая позволила бы усилить подготовку и развитие персонала, а также сократить текучесть кадров. Все эти внешние факторы дают повод для рационализации принципов трудовой активности, а значит, становятся

в основание деятельности рациональных агентов в условиях случайностей.

По своему содержанию комплексный и прагматический подходы к организации деятельности представляют собой скорее менеджерский ход по оптимизации затрат в рамках кадровой политики. Участники социального процесса, понимая, что формирование и подготовка нового персонала представляет собой существенную статью расходов, стремятся к борьбе против бифуркационных тенденций в современном обществе, внедряя соответствующие упорядочивающие практики. Отмечается [5], что использовать рассмотренные ресурсы менеджмента можно в области социальной психологии, поскольку в качестве мерила корректности социальных взаимоотношений в этой области необходима дистрибутивная справедливость. С точки зрения социальной психологии доля желаемых индивидом благ должна быть пропорциональна его вкладу в общественные отношения, опосредованные этим вкладом.

Кроме того, в современном обществе как сложной самоорганизующейся системе возникает реальная проблема, соразмерная с диалектикой упрощения: одна ее сторона состоит в истинности знания, которая транслируется в социальной ткани, другая — в стереотипности моделей поведения и реакций на внешние раздражители. В итоге появляется тенденция к формированию новых параметров порядка, основанных на стереотипности поведения, и, как следствие, — проблемная ситуация: те, кто все же остаются способными давать адекватные ответы на внешние вызовы, оказываются перед выбором быть непонятыми или потерять связь с обществом. Как предполагает Г. Хакен, «напряжение сил, которого требует от человека соблюдение правил, предписанных внешним миром, оказывается, по-видимому, меньшим злом, нежели опасность внезапно потерять благосклонность окружающих его людей и оказаться в одиночестве» [11, с. 196]. Из двух

результатов: психологически принять правильность внешних условий (1) или отстаивать самостоятельное решение актуальных трудностей и социально значимых задач (2) — первый оказывается более приоритетным.

Резюмирует сказанное и мыслится важным следующее положение: инспиративное управление способно противостоять коллективному манипулированию, которое проводится не только средствами массовой информации, но и толпой, и прочими инструментами воздействия. Коллективное влияние индивид может преодолеть, если обладает способностью отстаивать свой мир ценностей, способностью актуализировать и в полной мере использовать свои интеллектуальные ресурсы [8].

Как видим, рациональные агенты, используя варианты поведения в различных условиях, в том числе в условиях случайностей и синергетически понимаемой неопределенности, в целом основываются на синергетической и конструктивистской концепциях, на идеях структурно-функциональной и диспозитивной теорий, признающих высокую ценность личностных ресурсов, которые, наряду с внешними основаниями и условиями бытия человека, определяют принципы и способы принятия рационально обоснованных решений и моделей поведения.

Список литературы и источников

1. **Арефьева Н. Т., Багновская Н. М., Воеводина Л. Н.** Конструктивистские идеи в синергетическом прогнозировании // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 246—251. EDN: WRQFRR.
2. **Аршинов В. И.** Как возможна синергетическая теория (социального) управления? // Философия управления: проблемы и стратегии / отв. ред. В. М. Розин. М.: ИФ РАН, 2010. С. 46—66.
3. **Бранский В. П.** Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117—127.
4. **Бугаев В. А.** Эволюция взглядов в области мотивации и стимулирования персонала // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2013. № 9. С. 120—124. EDN: RKZLIX.
5. **Булгаков В. В., Булгакова Д. В.** Понятие «справедливость» на исторических этапах развития общества // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 325—328. EDN: OYIDAP.
6. **Лубский А. В.** Постнеклассическая рациональность и неоклассическая модель социально-гуманитарных исследований // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1 (81). С. 21—30. EDN: TRNKQJ.
7. **Мендрул М. Ю.** Рациональность в контексте познания, науки и культуры // Вестник Приазовского государственного технического университета. Серия: Технические науки. 1997. № 4. С. 70—74.
8. **Миронов В. В.** Управление как наука: традиции и инновации // Высшее образование в России. 2008. № 2. С. 172—175. EDN: IJENWJ.
9. **Равочкин Н. Н.** Зависимость эффективности воплощения идей от рациональности акторов // KANT. 2021. № 3 (40). С. 169—173. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-40.31> EDN: RKAXCM.
10. **Сидоров Л. Г.** Управление смыслами как основа социальной синергетики // Мanuscript. 2018. № 11-1 (97). С. 110—114. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-1.23> EDN: YMMNQТ.
11. **Хакен Г.** Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии / пер. с нем. А. Р. Логунова. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003. 320 с.
12. **Хекхаузен Х.** Мотивация и деятельность / науч. ред. пер. на рус. яз.: Д. А. Леонтьев, Б. М. Величковский. 2-е изд. М. [и др.]: Питер: Смысл, 2003. 859 с. (Мастера психологии).
13. **Чернобровкина Н. И.** Модальные модели экономического поведения в российском

обществе // Философия права. 2016. № 5 (78). С. 119—125. EDN: XRPGXP.

14. Ядов В. А. Глава IV. О социологической составляющей диспозиций // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. С. 357—359. EDN: VYMYVO.

References

1. Arefieva Nina T., Bagnovskaya Nela M., Voevodina Larisa N. “Constructivism Ideas in Synergy Prognoses”. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin* 3 (2016): 246—251. (In Russian). EDN: WRQFRR.
2. Arshinov V. I. “How is a Synergetic Theory of (Social) Governance Possible?” *Filosofiya upravleniya: problemy i strategii*. Publ. ed. V. M. Rozin. Moscow: IPh RAS, 2010. 46—66. (In Russian).
3. Branskiy V. P. “Social Synergetics as a Postmodern Philosophy of History”. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World* 6 (1999): 117—127. (In Russian).
4. Bugayev V. A. “Evolution of Views in the Domain of Staff Motivation and Stimulation”. *Ekonomika i upravleniye v XXI veke: tendentsii razvitiya* 9 (2013): 120—124. (In Russian). EDN: RKZLIX.
5. Bulgakov Vladimir V., Bulgakova Daria V. “Notion of Justice on Historic Stages of Social Development”. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki = Tambov University Review: Series Humanities* 5 (109) (2012): 325—328. (In Russian). EDN: OYIDAP.
6. Lubsky Anatoly V. “Postnonclassical Rationality and Neoclassical Model for Social and Humanitarian Research”. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of Caucasus* 1 (81) (2015): 21—30. (In Russian). EDN: TRNKQJ.
7. Mendrul M. Yu. “Rationality in the Context of Knowledge, Science, and Culture”. *Vestnik Priazovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Tekhnicheskie nauki = Reporter of the Priazovskyi State Technical University.*

Section: Technical Sciences 4 (1997): 70—74. (In Russian).

8. Mironov V. V. “Management as a Science: Traditions and Innovations”. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher Education in Russia* 2 (2008): 172—175. (In Russian). EDN: IJEWJ.
9. Ravochkin N. N. “Ideas Implementation Efficiency Dependence on Actors Rationality”. *KANT* 3 (40) (2021): 169—173. (In Russian). <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2021-40.31>
10. Sidorov Leonid G. “Management of Meanings as the Basis of Social Synergetics”. *Manuskript = Manuscript* 11-1 (97) (2018): 110—114. (In Russian). <https://doi.org/10.30853/manuskript.2018-11-1.23>
11. Haken Hermann. *Erfolgsgeheimnisse der Natur. Synergetik: Die Lehre vom Zusammenwirken*. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 1994. 254 S. (In German).
12. Heckhausen Heinz. *Motivation und Handeln*. Ed. Jutta Heckhausen. 4. Aufl. Berlin: Springer, 2010. xiii, 550 S. (In German). <https://doi.org/10.1007/978-3-642-12693-2>
13. Chernobrovkina Natalya I. “Modal Model of Economic Behavior in the Russian Society”. *Filosofiya prava = Philosophy of Law* 5 (78) (2016): 119—125. (In Russian). EDN: XRPGXP.
14. Yadvov V. A. “Chapter 4. On Sociological Constituent of Disposition”. *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya kontseptsiya*. 2nd ed., enlarg. Moscow: TsSPiM, 2013. 357—359. (In Russian). EDN: VYMYVO.

Информация об авторах

Равочкин Никита Николаевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5).

Пфаненштиль Иван Алексеевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Сибирский федеральный университет (Россия, 660041, Красноярский край, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79).

Яценко Михаил Петрович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Сибирский федеральный университет (Россия, 660041, Красноярский край, г. Красноярск, пр-т Свободный, д. 79).

Information about the authors

Nikita N. Ravochkin — Doctor of Philosophy, Assoc. Prof., Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str., 28); Associate Professor at the Department of Educational Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy (Russia, 650056, Kemerovo region, Kemerovo, Markovtseva str., 5).

Ivan A.I. Phanenshtil — Doctor of Philosophy, Prof., Professor at the Department of Philosophy, Siberian Federal University (Russia, 660041, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, Svobodny ave., 79).

Mikhail P. Yatzenko — Doctor of Philosophy, Assoc. Prof., Professor at the Department of Philosophy, Siberian Federal University (Russia, 660041, Krasnoyarsk region, Krasnoyarsk, Svobodny ave., 79).

Статья поступила в редакцию 10.05.2023.

The article was submitted 10.05.2023.